

Врачебные [секреты]

Елена Арсеньева

ГОЛОС КРОВИ

Врачебные секреты

Елена Арсеньева

Голос крови

«Автор»

2013

Арсеньева Е. А.

Голос крови / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2013 — (Врачебные секреты)

ISBN 978-5-699-62571-0

В лабораторию клинических анализов, где работает администратором Ася Снегирева, приходит семейная пара с ребенком, чтобы сдать кровь на ДНК на подтверждение отцовства. И вроде ничего особенного не происходит, но всегда внимательная Ася невольно подмечает мелкие нестыковки: необычную мелодию звонка мобильного телефона матери мальчика и разные носки на ребенке. А главное – удивительно хамское в этот день поведение медсестры Натальи, она невзлюбила Снегиреву с самого первого дня их совместной работы. Ася заметила и очень странную посетительницу, сумевшую пробраться в закрытый кабинет, где хранились пробирки с анализами. После ее ухода пробирок стало на одну меньше. И эта пропажа связана с милым мальчиком в разных носках, который оказался наследником многомиллионного состояния заграничного дедушки...

ISBN 978-5-699-62571-0

© Арсеньева Е. А., 2013

© Автор, 2013

Елена Арсеньева

Голос крови

Шалва, возьми кусок мела. Начерти на земле круг.
Бертольд Брехт.
«Кавказский меловой круг»

О, кровь есть сок особенного свойства!
Иоганн Вольфганг Гете.
«Фауст»

Все самое лучшее и самое правильное уже сказано. Нам остается только повторять прописные истины. И что жизнь театр, а люди в нем актеры, – сказано. И что это театр абсурда – тоже... И даже – что это сущий сумасшедший дом! Но Ася чуть ли не каждый день доходит до этих истин сама, своим умом. Ну как еще назвать такой, к примеру, денек?!

Место действия – большой такой лабораторный кабинет, где сдают анализы. Кровь и все прочие субстанции, всем известные. У стойки сидит администратор – это Ася Снегирева, так на бейджике и написано, а лаборантка и врачи заняты в своих кабинетах. У врача-эндокринолога консультация, в процедурной семейство сдает тест на ДНК. Все чрезвычайно благолепно. Дело близится к обеду.

Звякает колокольчик у двери, и входит мужчина лет тридцати пяти в джинсовой куртке и каскетке. Вместо того чтобы снять каскетку, как положено, входя в помещение, нахлобучивает ее на лоб. Из-под каскетки торчат пряди белесых волос. Крашенные они у него, что ли, думает Ася. А может, с такими родился. Чего только в жизни не бывает!

Мужчина переминается с ноги на ногу, опускает голову и бурчит, зыряка исподлобья темными глазами:

– Извините, у вас проводится анализ спермы?

Что и говорить, этот вопрос не относится к разряду тех, которые задают с открытой улыбкой, так что нет ничего удивительного, что свежевыбритые аж до синевы щеки посетителя становятся багровыми, что он отводит свои темные глаза и ежится и переминается с ноги на ногу.

А вот Ася не ежится и не краснеет, потому что на самом деле в этом каверзном вопросе нет ничего особенного – во всяком случае, для работников лаборатории. Анализ спермы (спермограмма, если точнее) производится для диагностики мужского бесплодия – проще говоря, чтобы выяснить, есть ли у мужчины проблемы с зачатием ребенка.

Да и какая разница вообще, что сдавать на анализ? Кал, мочу, кровь, сперму... Нечего краснеть! Все это – так называемые биологические жидкости, не более того.

– Конечно, – отвечает Ася спокойно. – Можно сдать. Вы соблюдали все необходимые ограничения?

– В смысле? – настороженно бурчит молодой человек.

Ася достает отпечатанную в типографии красочную памятку (счастливая семья, двое детей, сплошные улыбки, никаких проблем с зачатием!) и протягивает ему:

– Вот здесь все указано. Ознакомьтесь, пожалуйста.

Он тупо смотрит на листок и мямлит угрюмо:

– Я забыл линзы надеть, а у меня минус восемь. Вы не могли бы мне прочитать?

Ася любезно кивает и читает:

– «Перед исследованием необходимо половое воздержание от двух до семи дней (оптимально три-четыре дня). В этот период нельзя принимать алкоголь, лекарственные препараты, посещать баню или сауну, подвергаться воздействию УВЧ, переохлаждаться. При повторном исследовании желательно придерживаться, по возможности, одинаковых периодов воздержания»

ния для правильной оценки полученных результатов в динамике. Утром после сна необходимо помочиться, произвести тщательный туалет наружного отверстия мочеиспускательного канала теплой водой с мылом».

– А, ну да, – говорит молодой человек. – Все нормально. Все путем! Я это... ну... соблюдал все эти заморочки. А как... ну, когда... прямо сейчас анализ можно сдать?

– Если вы хотите – конечно, – кивает Ася. – Сначала мы заполним форму договора, потом вы оплатите анализ, а затем лаборантка принесет вам одноразовый стаканчик, и вы...

– Н-ну? – бурчит мужчина.

– Вы пройдете в туалет и...

Мужчина смотрит исподлобья. У него настороженные, напряженные темные глаза.

– И чего буду делать?

Теперь начинает ежиться и краснеть Ася. Честно – в первый раз за все годы ее работы пациент спрашивает такое. Как будто сам не знает, что делать!

Говорят, многие мужчины, особенно одинокие, этим занимаются регулярно. Для снятия, так сказать, напряжения. А этот тип – спрашивает! Ну и нахал!

Но своего смущения показать нельзя. Это не профессионально.

– Я понимаю, что наш туалет не самое удобное место для того, чтобы... чтобы... – бормочет она, уставившись в грудь мужчины. В глаза смотреть невозможно! На его джинсовой куртке фирменная блямба с плохо различимой надписью. Ася внимательно вглядывается и наконец читает: «Satisfaction guaranteed». Удовлетворение гарантировано, вот ведь как! Ей становится смешно, и она решается поднять глаза и спокойно ответить на скользкий вопрос: – ... чтобы мастурбировать. Но вы можете собрать анализы дома, в стерильный контейнер. Его можно купить и у нас, и в аптеке. Только нужно сразу после этого поставить контейнер во внутренний карман пиджака или куртки и как можно скорей принести в лабораторию.

– Чего? – спрашивает мужчина пренебрежительно. – Дрочить в туалете? Потом в стаканчике тащить? Нет уж, пускай медсестричка меня за письку подержит. Охота в теплый кулачок кончить! У вас есть черненькие? Брюнеточки есть? На тебя дрочить бесполезно, у меня и не встанет. Черненькую позови! Ну, быстро!

И угрожающе наваливается на стойку.

Ася с визгом вскакивает, а мужик чуть ли не лезет на стойку, сшибает вазу с конфетками (дешевка и гибель для зубов, но уходит на ура), фирменные проспекты разлетаются в стороны, опрокидывается изящная пластиковая ваза, и охапка маленьких бледно-розовых розочек осыпает все вокруг... внимательный наблюдатель мог бы удивиться, заметив, что из опрокинутой вазы не выливается вода, а догадливый человек мигом смекнул бы, что розочки не настоящие, а значит, вода им не нужна.

Но за вазочками-розочками сейчас никто не наблюдает, ибо в приемной разворачивается куда более интересный спектакль. Вернее, жуткая сцена.

Мужик вдруг бросается к процедурной и распахивает дверь с воплем:

– Черненькую дайте! Вот эту!

Раздается дружный женский визг, детский вопль, грохот, звон стекла, а потом мужик вылетает из процедурной спиной вперед – вернее, его выносит высоченный блондин в белой рубашке с закатанным левым рукавом. Какое-то мгновение Ася любуется этим зрелищем: висящий над полом хулиган беспомощно дрыгает ногами, его каскетка свалилась, белесые волосы рассыпались (у него, вдруг замечает Ася, разные носки, один серый, другой зеленый, и у нее невольно вырывается совершенно неподходящий к сюжету истерический сдавленный смешок), – а потом он как-то умудряется вырваться из рук блондина, приземлиться, да еще и пнуть того в колено. Блондин охает от боли, а в это время хулиган, крутанувшись вокруг своей оси, впечатывается подошвой в его грудь, оставляя на чистой рубашке грязный след кроссовки. Блондин, бестолково взмахнув руками и ненароком сшибив со стены красивое остек-

ленное фото с изображением двух скачущих лошадей, валится на кожаный диванчик, разбросав ноги и руки. Картина падает на пол, стекло разбивается вдребезги, а хулиган со страшной скоростью вылетает за дверь. Охранник его не может догнать, потому что охранника в лаборатории нет. Следовало бы, конечно, но держать его – это слишком дорогое удовольствие! И вот вам результат.

В это время из процедурной выскакивает Марина Сергеевна, главный администратор. При взятии анализа на ДНК обязан присутствовать независимый свидетель, и его роль исполняет, как правило, главный администратор кабинета. Марина Сергеевна видит на полу осколки, рассыпанные цветы, фото, лежащего на диванчике блондина – и хватается за сердце:

– О господи!

– Олег! – В коридор выбегает красивая, точеная брюнетка в зеленой тунике чуть ниже бедер и черных лосинах. На потрясающе-стройных ногах коротенькие зеленые сапожки на высоченных каблуках. – Что с тобой?!

– Папа! – бежит следом кудрявый темноволосый мальчишка лет пяти. – Ты его побил?

Видимо, это жена и сын блондина.

А тот все не может отдышаться после мощного удара в грудь. Наконец слабо кивает сыну: мол, все нормально, но при этом бросает недовольный взгляд в сторону Аси. Конечно, ему неприятно, что она видела его унижение, его падение. А она тоже хороша, уставилась как дура!

Ася поспешно отводит глаза.

– А почему ты лежишь на диванчике? – допытывается мальчишка. – Ты его побил, устал и прилег отдохнуть?

Блондин по имени Олег косится на Асю и молчит. Ася отводит глаза и начинает дрожащими руками собирать с пола цветы.

– Пап, ну пап! – теребит его мальчишка.

– Ну да, – бормочет наконец Олег. – Прилег отдохнуть. Но я уже встаю.

И он с трудом поднимается с диванчика, отряхивая рубашку на груди.

Жена ласково трогает его за руку:

– Больно?

Олег раздраженно передергивает плечами:

– Ничего мне не больно! Там с анализами все закончено или нет? Мы можем идти?

Выглядывает Наталья, лаборант, обводит глазами разор, царящий в приемной. Брови ее поднимаются, уголки рта презрительно опускаются, взгляд устремляется на Асю:

– Что там опять Снегирева устроила? Тебя совершенно нельзя оставлять одну! Вот характер, а?! Ты даже с божьей коровкой скандал заведешь!

Ничего себе! У Аси от несправедливости перехватывает дыхание и на глаза наворачиваются слезы. Она-то тут при чем?! Она все это перебила, что ли?! Но не станешь же оправдываться при клиентах!

Интересно, почему Асино воспитание не позволяет выяснять отношения публично, а Натальино – позволяет? Вопрос риторический, конечно... Ничего такого Ася не скажет, потому что ввязываться в спор с Натальей – себе дороже. У нее не язык, а бритва, к тому же смазанная ядреным ядком. Да еще и Асю Снегиреву Наталья почему-то терпеть не может.

Мама вечно ворчит, когда Валя возвращается поздно. И страшит, страшит... То какого-то маньяка-насильника никак не могут поймать (про таких маньяков Валя сто раз слышала, что, мол, на женщин нападают, но почему-то ни разу не слышала, чтоб хоть кого-то из них поймали... наверное, полиция стесняется хвастаться своими достижениями, но находит некое мазохистское наслаждение в том, чтобы рапортовать о промахах); то подростки на соседней улице распоясались и гоняют лиц кавказской национальности – просто так, из любви к искусству человеконенавистничества (о том, что Валя ни разу не лицо кавказской национальности и

никоим образом его не напоминает, в том числе и собственным лицом, мама почему-то забывает); то участились кражи: какие-то темные личности, притворяясь работниками социальной сферы, обманывают почем зря доверчивых пенсионеров (вообще-то у них в семье вообще пенсионерок нет, мама только на будущий год ею станет, а Вале до этого статуса еще тридцать лет проработать надо, и вообще, какая связь между домашними кражами и поздними возвращениями с работы?!). Но маме разумные доводы – как с гуся вода. Неважно, что сказать дочке, лишь бы убедить ее не ходить по темным улицам. Но летом – еще ладно, вечерами долго светло, а зимой и осенью как, скажите на милость, по темным улицам умудриться не ходить, если работу свою Валя заканчивает в восемь, а уже в октябре в это время – тьма-тьмущая?! И так до самого апреля... Еще хорошо, что Валя через день работает, а то вообще взвыть можно было бы от этих беспрестанных маминых упреков. А если иногда приходится выходить на подмену – куда же денешься, люди и болеют, и дети у них, случается, болеют, – тут маме вообще удержу нет. Одно время она даже ходила Валу встречать. Потом перестала – сама темноты до ужаса боится. Вообще, все это фантазии, конечно, а по-русски говоря – психоз...

– Вот накличешь когда-нибудь! – сердито бросила Валя, когда мама в очередной раз разошлась. – Вот тогда узнаешь!

Ну, все кончилось мамиными слезами и запахом корвалола по всей квартире, а Валя просила прощения.

...В тот день она мало того что вышла подменить Женю, у которой был очень болезненный ребенок, да еще и сильно задержалась вечером в процедурной: к концу дня народ вдруг пошел один за другим, хотя вообще было довольно пусто, а перед самым закрытием появился какой-то белобрысый парень, который никак не мог понять, что ему вообще надо: то ли общий анализ сделать, то ли на ДНК кровь сдать, то ли на биохимию, то ли на гормоны – щитовидку проверить. К тому же пришел он без документов. Вообще, конечно, положено принимать по паспорту, ведь каждый анализ подтверждается документально, распечатанным на принтере результатом, а кому попало такую бумагу не выдашь. Однако этот человек паспорт забыл. Когда Нина, администратор, отказала ему в приеме, он поклялся, что сейчас сбегает за паспортом. И попросил его подождать, хотя до закрытия оставалось полчаса.

Нина строго сказала:

– Если вас не будет без десяти восемь, мы вас не примем.

Когда часы показали без десяти, Валя выглянула в холл. Нина только усмехнулась: забывчивый мужчина не пришел.

– Ну и ладно, – жизнерадостно сказала Валя. – Тогда я собираюсь?

И стоило ей это сказать, как он вбежал, пыхтя и отдуваясь.

– Между прочим, уже без пяти, – проворчала Нина, на которую иногда нападала такая необоримая вредность, что все удивлялись. Да, подумала Валя, это вам не Ася Снегирева, которая никому слова поперек не скажет! Впрочем, мужчина с видом превосходства сунул Нине под нос запястье с часами, которые показывали как раз без десяти восемь, и нагло усмехнулся:

– А почему я знаю, может, вы свои часы подвели?

Вообще, скорее это он свои часы подвел! Но делать было нечего, ибо кабинет должен работать не столько до восьми, сколько до последнего посетителя, а в главной лаборатории – и вообще до последней пробирки. И опять началась волокита с оформлением договора, потому что на сей раз мужчине только общий анализ крови понадобился, а не биохимия и ДНК, а потом он с торжествующим видом заявил, что паспорт опять не принес.

– Вы что, издеваетесь? – взвизгнула окончательно потерявшая терпение Нина. А кто на ее месте, интересно, не взвизгнул бы – в восемь-то вечера, когда пора кабинет закрывать и идти домой, а тут кому-то захотелось покуражиться!

– Ничуть, – с тем же торжествующим выражением заявил мужчина. – Это вы надо мной издевались, когда сказали, что без паспорта нельзя, и погнали меня за ним. Потому что у вас

существуют опция «Анонимная услуга», когда никакой паспорт совершенно не нужен, его даже требовать неэтично, а результат вы выдаете по кодовому слову.

Нина и Валя только переглянулись. Опция, ну надо же! Неэтично, ах ты боже мой! Услуга такая есть, но она очень редко применяется... Все – все! – посетители кабинетов по сбору анализов крови настолько дисциплинированы и законопослушны, что паспорта с собой берут автоматически и выкладывают их на стол администратора еще раньше, чем направление от врача! Вот Нина и привыкла... Наверное, она просто забыла об анонимном анализе, а может быть, кстати, просто решила подинамить этого посетителя, чтобы можно было освободиться пораньше. Вот и подинамила – на свою голову, вот и освободилась пораньше, называется!

Впрочем, с какой стороны ни погляди, вредный дядька был прав, поэтому Нина мигом признала свое поражение и спорить совершенно не стала.

– Зачем же вы тогда за паспортом побежали, если такой умный? – проворчала она – и только. И спросила, каким будет кодовое слово.

Мужчина задумался. Время шло, шло...

Валя сердито хмыкнула: мог бы и придумать слово, пока бегал якобы за паспортом, а не тянуть теперь резину.

«Опять задержусь, опять скандал дома будет...»

Наконец мужчина сказал:

– Хоббит. Кодовое слово будет – хоббит.

– Хобот? – изумленно переспросила Нина, однако мужчина упорно повторил:

– Хоббит! С двумя **б**! А перед **т** стоит **и**!

Валя смотрела какой-то фильм про этих хоббитов, но забыла какой, потому что это была фантастика, а она вообще не любила фантастику.

Нина написала все, как он просил, занесла данные в компьютер – и мужчина отправился в Валин процедурный кабинет.

Ну, здесь все прошло мигом. Он, правда, попытался было ласы поточить и даже начал спрашивать, нельзя ли Валю проводить домой, а то ведь темно на улице, поздно уже...

Валя промолчала, хотя так и подмывало спросить, а по чьей, интересно, милости она до темноты задержалась на работе?!

– В общем, понятно: не хотите, чтобы я вас провожал, – вздохнул мужчина. – Ну и ладно, что поделаешь, тогда я...

Видимо, хотел сказать: «Тогда я пошел», – потому что неожиданно вышел, даже не простившись. И, само собой, спасибо не сказал. Многие думают, что если свои деньги заплатили, то спасибо – это уже лишнее!

Валя отнесла его пробирку в холодильник (во-первых, общий анализ крови не из тех, которые, как говорят специалисты, «обязательны к хранению», то есть исследование нужно провести в ближайшие четыре часа, иначе результаты будут далеки от нормы; кроме того, сегодня все равно ведь уже не приедет курьер, чтобы отвезти материалы в главную лабораторию: все, как белые люди, давно слиняли с работы!), переоделась, а потом они с Ниной вышли и закрыли кабинет. И попрощались – Нине направо, Вале налево...

– Марина Сергеевна! – раздраженно окликает Наталья администратора, которая пытается собрать осколки с пола. – Мы будем пробирки запечатывать или нет? У меня все готово! Может, Снегирева займется уборкой? Ей все равно делать нечего. Зачем ее вообще сюда вызвали?! От нее одни несчастья! А у нас есть чем заниматься!

Да, Ася – не здешняя. То есть нет, она, конечно, сотрудница лаборатории «Ваш анализ», но все дело в том, что у лаборатории целая сеть приемных пунктов разбросана по городу, по всем районам, в некоторых районах даже несколько пунктов, и сотрудники не бог весть как хорошо друг друга знают. Пункты называются интеллигентно – кабинеты. Обычно Ася рабо-

тает в кабинете номер шестнадцать на улице Невзоровых. И вчера там была. А сегодня ее вызвали в первый кабинет, на Сенную площадь, хоть у нее сегодня и выходной. Второй администратор этого кабинета, Катерина Гаврюшина, ночью затемпературила, сегодня на работу не вышла, вот Асю и попросили подменить ее на денек. Правда, она тихо подозревала, что деньком тут не ограничится: Катерина обычно болела долго, старательно, со вкусом... Там у них, в кабинете номер шестнадцать, на Невзоровых, тихо, народу немного, там и один администратор управляется, а здесь, на Сенной, полно посетителей, здесь еще и приемный пункт для анализов, которые привозят из больниц, работающих вместе с лабораторией... Словом, Марине Сергеевне обязательно нужна помощница. Асю попросили, потому что она одинокая, безотказная дурочка. Правда, что дурочка... Ну как, как она могла согласиться?! Знала же, что обязательно встретится с Натальей, ведь здесь, на Сенной, ее постоянное место работы!

– Ох, – спохватывается Марина Сергеевна, торопливо отряхивая руки и поднимаясь. – Ася, прошу вас, подметите тут... Конечно, извините, господа, прошу вас вернуться в кабинет. Анализы готовы, их необходимо запечатать в особый конверт и...

– Хватит с меня! – рывкает Олег. – Сами запечатаете! Мы кровь сдали, у сына анализ взяли – ну и довольно!

– Такой порядок, – растерянno разводит руками Марина Сергеевна. – Запечатать в особый конверт, потом расписаться на бланке, которым заклеивают конверт, потом его запечатывают «живой печатью» – то есть самой что ни на есть официальной, не штамп какой-то там брякают...

– Ну уж печать вы без нас сможете поставить? – брюзгливо перебивает Олег, по-прежнему пытаюсь стереть грязь с рубашки, но у него ничего не получается, и от этого он еле владеет собой. Ася давно заметила, что мужчины, которые очень следят за собой, становятся раздражительны, как женщины, даже хуже, если что-то в их отутюженном облике вдруг нарушается. – Или она уж такая живая, что может убежать?

Наталья фыркает, поглядывая на красивого блондина с явным удовольствием. Он в ответ улыбается, по всему видно, немного успокаиваясь и отходя. А вот на Асю, которая тоже хихикнула, он даже не поглядел.

А впрочем, она уже привыкла, что на нее никто никогда не обращает внимания. Тем более если у мужчины такая жена!

– Девушки, вы давайте уж скорей, – суетится молодая женщина, быстро поворачивая голову то к Наталье, то к Марине Сергеевне. Ее волосы заплетены в косу, и эта коса мечется по ее спине, словно змейка – игривая такая, черная змейка. Косая прядь гладких до зеркального блеска волос выбилась на виске из прически и иногда свешивается на глаза; девушка резко смахивает ее, а прядка снова и снова прикрывает лицо.

Ася достает из подсобки возле гардероба швабру, но пол не подметает, а стоит, исподтишка любуясь этой черной игривой косичкой.

Она всегда ужасно хотела быть брюнеткой. Всегда, с детства! Роковой такой брюнеткой с темно-карими блестящими или черными, как ночь, мягкими глазами. Ну ладно, глаза пусть останутся светлыми, но непременно чтобы волосы – смоляной волной по плечам! Гладкой волной, без этих дурацких кудряшек! И вот однажды, когда очень уж надоело видеть в зеркале свою блеклую сероглазую физиономию, окруженную тускло-русыми, нелепо выющимися прядями, она взяла да и купила «Garnier Color Shine», оттенок «Чернично-черный». Покрасилась сама – согласно подробной инструкции: решила сэкономить на парикмахерской. И целых полчаса пребывала в робкой надежде, что к ней вот-вот явится неземная красота. Потом, когда в ванну потек с головы некий грязевой поток, надежда стала потихоньку линять. И вот наконец Ася взглянула в зеркало, высушив волосы... и даже зажмурилась. Но отнюдь не от восхищения. Сказать, что «чернично-черный» – не ее цвет, значило ничего не сказать. Вот именно такими – бледными, остроносыми, с бесцветными глазами и с волосами цвета грязи – должны

быть ужасные существа, которые называются кикиморами. Она стала совершенно неузнаваемой! Главное, нос-то почему сделался острый, птичий?! Бабушка всегда звала Асю курносой! И эти провалившиеся глаза, которые казались вообще белыми в окружении темных кругов. Ну, круги, предположим, это просто от плохо смытой краски. Надо потщательней умыться. Но волосы! Да разве можно выйти в люди с такими жуткими волосами! И кудри развились... Всю жизнь Ася пыталась бороться с кудрями, но, когда они вдруг исчезли, поняла, что ей их явно не хватает. Эти черные, тусклые, обвисшие космы... Небось даже Киса Воробьянинов выглядел гораздо симпатичней со своими зелеными волосами! Неужели и Асе придется, как бедному Кисе, побрить голову, чтобы избавиться от этой «неземной красоты»?

Пришлось Асе все же идти в парикмахерскую. Там ее, конечно, не брили, но сердобольная мастерица, невзирая на то что было уже семь часов и салон вскоре закрывался, сделала для ее несчастных волосиков истинную ванну из воды с нашатырем – и вся чернота утекла в мойку. Волосы стали слабыми, ломкими, но опять закрудравились и обрели родной унылый русский оттенок, которому Ася все же искренне обрадовалась, как когда-то радовалась мужу, когда он, наездившись на свои бардовские фестивали (их следовало непременно называть «фесты») и вволю нагулявшись, возвращался домой – скучный, злой, ехидный, раздраженный тем, что привязан к этой невзрачной женщине, не имеющей ни голоса, ни слуха, ни вкуса, не любящей бардовские песни, костры, палатки и прочую туристскую житуху, а не к какой-нибудь разве-селей фемине, которая готова сидеть у костра ночь напролет, посылая пылкие взоры хрипло-голосому романтическому барду, а потом еще и перепихнется с ним под ближайшим кустом, ничего от него не требуя и ничего ему не навязывая, чтобы на другой вечер посылать пылкие взоры другому барду и валяться под кустом с другим, и все это происходит легко и необременительно, как песни по кругу вокруг костра, как сигарета, которая идет от певца к певцу, как бутылка, которую распивают на троих... Впрочем, к таким феминам совершенно невозможно быть привязанными, да и они ни к кому особо привязываться не хотят, за что и ценятся.

Ася же была другая. Она хотела ходить на любимую работу или сидеть дома и воспитывать детей, она боялась случайных связей и никогда в жизни в них не вступала, а песни под гитару, которые казались такими очаровательными в юности и из-за которых, честно говоря, она и влюбилась в Виталика, почему-то потеряли для нее всякий интерес, когда она повзрос-лела.

А муж не повзрослел... Он бесился, когда его называли не Виталиком или Виталькой, а Виталием, тем более – Виталием Петровичем, он кричал, что не хочет тратить жизнь на работе, не хочет таскать с собой на фестивали сопливую детвору. Ася робко возражала, мол, детвора может оставаться с ней дома, она-то на фесты все равно не ездит, но Виталик не слушал. Слова «должен» он боялся как огня. Он хотел вечно оставаться молодым... и остался. Три года назад, возвращаясь домой с очередного феста поздней ночью, он уснул за рулем своей потрепанной «Лады-Калины» – и врезался в фургон, разбившись насмерть сам и прихватив с собой жизни двух своих приятелей и одной общей фемины. Хотели они тоже вечно оставаться молодыми или предпочли бы слегка постареть, но еще пожить, – это осталось неизвестным.

Сначала Ася плакала по Виталику, но довольно скоро смирилась с этой потерей. Она все равно большую часть своей семейной жизни проводила одна и привыкла рассчитывать только на себя. Но все же часто вспоминала Виталика и горевала по нему, потому что по-прежнему хотела детей, а завести их теперь было не с кем. Случайных связей она все так же боялась, писать объявления на сайты знакомств стеснялась – так и жила одна. Вековала, как раньше писали в книгах. Куковала, как пренебрежительно выражалась Наталья Левашова, которая терпеть не могла Асю. Впрочем, об этом уже шла речь. Ну почему, спрашивается?! Да вроде нипочему, но только доброго слова от Натальи Ася в жизни не слышала.

А впрочем, нет! Повод к жгучей Натальиной неприязни, честно говоря, был. Полгода назад лаборатория получила заказ на обработку анализов крови, взятых у участников войны

в честь Дня Победы. Это была благотворительная акция, которую проводила городская администрация. Кровь у стариков брали на биохимию, на сахар... И в конце дня все эти материалы были привезены в главную лабораторию «Вашего анализа» и торжественно сданы на обработку. В тот день Асе снова «повезло» замещать захворавшую Катерину. Совсем как сегодня! Весна была совершенно гнилая, болели вообще все подряд. Марина Сергеевна, которая целый день украдкой чихала, к концу рабочего дня совершенно расклеилась и уехала домой на такси. И тут Асю позвали к врачам-лаборантам. Это – особая каста во всех аналитических лабораториях. Они-то, собственно, и проводят исследование всех «биологических жидкостей» и с посетителями не общаются. Именно поэтому к ним позвали Асю – как администратора, в чьи обязанности общение с клиентурой как раз и входит. В тот день дежурила старший врач-лаборант Ирина Семеновна – дама почтенная, давно пенсионного возраста, обладающая огромным опытом. Встретила она Асю почти в состоянии нервного припадка и обрушила на нее весь свой яростный гнев, который, вообще-то говоря, надо было обрушить на тех, кто задумал акцию внешне эффектную, но по сути – бесполезную. Никто из стариков, у которых брали анализы, заранее не был предупрежден о том, что это произойдет. На квартиры к участникам войны просто приезжали... среди дня, когда все позавтракали, а многие даже успели пообедать. И результаты настолько расходились с нормами, что порой они казались смехотворными. Опытному человеку нарушение правил сбора образцов было видно, так сказать, невооруженным взглядом.

– Ася, немедленно созвонись с этими варварами, – от возмущения задыхаясь, воскликнула Ирина Семеновна. – Преданалитический этап нарушен не просто грубейшим – преступным образом! Мы на себя ответственность за эту липу взять не можем!

Ася позвонила по телефону, указанному в сопроводительном документе, и угодила как раз на особу из департамента здравоохранения, которая была ответственна за благотворительную акцию. Услышав, что все результаты забракованы, она устроила ужасный скандал. Требовала, чтобы им отдали репорты – то есть распечатанные результаты, поскольку деньги уплачены и «бумажки надо подшить к делу». Однако Ася, которую науськивала неумолимая Ирина Семеновна, отказалась. Чиновница пригрозила страшными карами, однако был уже конец дня – и приведение приговора в исполнение пришлось отложить до завтра. А назавтра появилось лабораторное начальство, которое тоже ужаснулось результатам этой так называемой акции, – и началась очень серьезная разборка с администрацией... Ася точно не знала, что и как там вышло, однако даме, которая за проведение акции отвечала, пришлось распротеститься с департаментским креслом – за попытку протащить фальшивку. С этих пор Наталья, которая и раньше-то относилась к Асе довольно прохладно, начала ее ну просто поедом есть... и только случайно кто-то сказал Асе, что та чиновница, которая слетела с насиженного кресла, Натальина двоюродная сестра, и в «Ваш анализ» она обратилась именно по Натальиной рекомендации...

Разумеется, во всем осталась виновата не принципиальная Ирина Семеновна и не столь же принципиальный директор лаборатории, а стрелочница Ася Снегирева, которая всего лишь позвонила в департамент... Но Наталья, которой был необходим объект для ненависти (а своего работодателя и старшего врача-лаборанта ненавидеть довольно сложно, не так ли?!), в таких деталях разбираться не собиралась и всячески третировала Асю.

Вот и сейчас...

– Заснула, Снегирева? – презрительно хмыкает Наталья. – Мети давай! А то дождешься, что тебя отсюда выметут! – И совершенно другим тоном, мягким, журчащим голоском, обращаясь к блондину-клиенту: – Если хотите поскорей, то пойдемте подписывать бумаги. Это буквально пять минут! Надеюсь, к тому времени, когда вы выйдете, здесь уже все уберут и вам не придется хрустеть по стеклу ногами.

И уплывает в кабинет. За ней следуют клиенты и Марина Сергеевна, которая успевает бросить Асе сочувственный взгляд, но не говорит при этом ни слова и Наталью, конечно, не одергивает. Ссориться с Натальей неохота никому, особенно тем, кто с ней работает практически каждый день. Да, два дня подряд в компании Натальи – это не для Асиных слабых нервов...

А вчера Наталья принимала анализы в шестнадцатом кабинете, вместе с Асей. Тоже на подмене была. Их постоянная лаборантка Валя на один день отпросилась. То ли с лестницы упала, то ли с табуретки, Ася так и не поняла толком. К счастью, ничего себе не сломала, но пребывала в натуральном шоке и на работу выйти не смогла. Ася попробовала хоть что-то у ее мамы узнать, но та была в натуральной истерике и вообще ничего не могла вымолвить. Наталью попросили заменить Валу. Она явилась безотказно – совсем как Ася. Совсем, да не совсем! Ася тащится на работу покорно, а когда перед ней начинают извиняться, что вынуждают работать в выходной, она смущается: мол, да ничего страшного, все равно я одинокая, личной жизни никакой, а дома я и так сижу. Наталья же явилась с видом крайне раздосадованной, ворчала во всеуслышание на бедную Валу, которая вечно не видит, куда идет, на начальство, которое губит вот такими сверхурочными работами Натальину бурную личную жизнь, на Асю, которая своей постной физиономией способна испортить существование кому угодно, а у Натальи на нее вообще идиосинкразия...

Идиосинкразия! Это называется ненависть. Она Асю натурально прибить готова – за малейшую оплошность. И с каждым днем эта ненависть усиливается. Вчера, впрочем, Ася сама подставилась. Сначала все шло нормально, а потом она, как дурочка, взяла да и подставилась.

На Асино счастье, вчера народу в шестнадцатом кабинете было как никогда много. И Наталья из процедурной почти не выходила. Конечно, трудолюбия у нее не отнимешь, за это ее и ценят и прощают хамский характер. Хотя, с другой стороны, она отлично знает, кому можно хамить (например, Асе), а кому лучше не надо (например, старшему врачу-лаборанту, или старшим администраторам центрального кабинета, или, само собой, дирекции). Или какому-нибудь молодому журналисту!

Как-то пришел парнишка из газеты «Биржа плюс карьера», Ася в тот раз тоже работала на Сенной. Понадобилась корреспонденту лучшая лаборантка, ну, конечно, его сразу направили к Наталье... Он ее и спрашивает: дескать, а не противно вам, такой молодой и хорошенькой, возиться со всякими какашками и писюльками или с кровью, а я вот, мол, крови до обморока боюсь?

Наталья ему пафосно:

– Работа как работа, в медицине с безгливостью вряд ли поработаешь! Вот как, по вашему мнению, акушерка – это достойная профессия?

– Ну да, – сказал парень. – Еще бы!

– А вы представляете себе, откуда дети появляются на свет? В акушерстве и какашек хватает, и кровищи, и мочи.

Парень ушел весь такой задумчивый, а Наталья, возвращаясь в процедурную, изрекла:

– Наш девиз – подальше от больных, поближе к моче и калу! И вообще, патанатом – лучший диагност!

Она хоть и цинична насквозь, но с посетителями всегда исключительно любезна. Диву иногда даешься! Какую-нибудь старушечку или старикана под руку выведет, до гардероба проводит. А вчера, к примеру, был у нее на заборе один мужчина (обычные люди дергаются и смеются, когда слышат это выражение: был на заборе, – а лаборантки привыкли и даже не реагируют, они же занимаются забором крови, ну, значит, тот, кто сдавал анализы, был на этом самом заборе), забыл что-то в кабинете, ручку свою, кажется, так Наталья за ним аж на улицу побежала. Ася даже испугалась, увидав, с какой скоростью Наталья вылетела из процедурной. Подумала – не случилось ли чего?! Выглянула в окно, а тот мужчина уже в машину садится. Наталья ему замахала с крыльца, он вернулся, но тут зазвонил телефон на стойке админи-

стратора, и Ася отошла, а там и Наталья вернулась с такой победной улыбочкой, как будто ей назначил свидание... ну, там, Александр Домогаров в молодости, какой он был в фильме «Огнем и мечом», или на худой конец – помощник президента по Приволжскому округу... тоже в молодости. И Ася тогда не без ехидства подумала, что зря Наталья так довольно улыбается. Хоть мужчина и очень симпатичный, в самом деле – не хуже Домогарова, и «Ауди» вон у него, однако около этого серебристого «Ауди» его ждала женщина... тоже брюнетка, как та, которая пришла с ребенком и Олегом, только у этой косичка, а у той волосы были распущенными, покрывали ее плечи, как черная мантилья, даже не отличишь, где покрывало волос, а где черненькая кофточка, заправленная в черные же брючки...

Вошла, значит, Наталья с победной улыбочкой и отправилась было к себе в кабинет, но тут Ася вдруг заметила, что на ней разные серьги. Одна – серебряное колечко с синими висюльками-камушками, а другая – просто золотой листочек на цепочке. И Ася возьми да и ляпни:

– Наташ, у тебя серьги разные.

Наталья бросила взгляд в зеркало, на ее лице на миг появилось паническое выражение, но тут же она с презрением поглядела на Асю и процедила:

– Ну надо же, какая она глазастая! Как будто я сама не знаю, какие у меня серьги! Сейчас модно носить разные, это фишка такая, все знают. Никому и в голову не пришло мне что-то сказать, одна ты вылезла. А ты бы лучше молчала, Снегирева, если ни хрена не понимаешь в бижутерии!

И удалилась в процедурную. Но Ася была уверена, что Наталья случайно надела разные серьги в утренней спешке, то-то у нее такая паника мелькнула на лице! Никто ничего не сказал ей, потому что никто ничего не замечал, люди же вообще ничего не замечают, иногда диву даешься, а может, просто связываться с Натальей не хотели, а Ася, на свою беду, мало что внимательная – она по жизни внимательная, вот такая уж уродилась, – да еще и рискнула Наталье замечание сделать. И получила не только вчера, но еще и сегодня Наталья на нее злится. Как пришла на работу да увидела Асю за столом администратора, ее всю так и перекосило. И до сих пор свирепствует.

Ася тяжело вздыхает над своей горькой долей, но в это время из кабинета эндокринолога выходит высокая женщина с вьющимися седыми волосами, за ней врач, и Ася ужасно смущается, что кругом рассыпано стекло, а она стоит, ничего не делает, с дурацким мечтательным видом.

– Ты что-то разбила, Асенька? – сочувственно спрашивает Инна Петровна, врач, и Ася чувствует, что на глаза у нее наворачиваются слезы, потому что даже добрейшей Инне Петровне и в голову не может прийти, что разбила тут что-то вовсе не Ася, то есть как бы само собой подразумевается, что у Аси все из рук валится. – Какой ужасный шум тут был! Дрались, что ли?

– Да так, – бурчит Ася и понижее склоняет голову, чтобы никто не видел, что она вот-вот расплачется. – Ерунда.

– А в процедурной сейчас кто-нибудь есть? – спрашивает посетительница, с благосклонной улыбкой разглядывая себя в зеркало.

На ее месте Ася тоже непрестанно бы смотрелась в зеркало. Надо же, такая уже немолодая, и морщинки, и седина, а выглядит – зашибись, и бижутерия такая фантазийная, и одета в какие-то немыслимые штаны, очень широкие в бедрах и зауженные внизу, и туфли на каблучищах, и свитерок в обтяг, и никакого живота у нее, и грудь вон какая... А этот ворох кудрей! Наверное, когда она была молодая, волосы у нее были рыжие и вились тугими медными кольцами. А сейчас кольца серебряные. Везет же людям – так выглядеть в таком возрасте! Наверное, до сих пор мужчины на нее оборачиваются. А Асю никто и в упор не видит, не то чтобы оборачиваться...

– Процедура занята, там одна семья, – сдавленно отвечает Ася. – Но они с минуты на минуту уходят. Вы хотите анализы сдать?

– Да, я вот думаю, может, мне прямо сейчас это сделать? – поворачивается седая дама к врачу.

– Да что вы, кровь натошак, с восьми до одиннадцати утра! – останавливает ее Инна Петровна.

– Да, натошак сегодня никак, – усмехается дама. – Я поела довольно основательно. Значит, сдам завтра. А пока... сколько с меня?

Она достает из сумки кошелек, Ася отставляет было щетку, но в эту минуту дверь процедурной начинает открываться, появляется Марина Сергеевна, и Ася, в ужасе вспомнив, что пол по-прежнему не подметен, начинает лихорадочно орудовать щеткой.

– Ну, я тогда сначала в туалет, – говорит дама и исчезает за углом коридора.

* * *

Незадолго до описываемых событий умер Константин Климов. Это был богатый человек, очень богатый. Один из тех мелких провинциальных райкомовских деятелей, которые не испугались девятого вала перестройки, а дали ему подхватить себя, чтобы в конце концов оказаться среди тех, кто управляет им. Перестройка, этот Минотавр, выпущенный из Лабиринта, сеяла страх и разрушение, однако те, кто медленно выпускал свой полуголодный дух под ее тяжелой поступью, и знать не знали, как вольно задышали грудью все те, кого поперек горла хватала совковая экономическая политика.

Чуть ли не в каждом магазине, чуть ли не на каждом ларьке появились таблички: «Куплю ваучеры», и бедный народ, не знающий, что делать с этими бумажками, какой в них прок, тащил их на продажу – а то и просто отдавал за бутылку. Какие-то фонды... какие-то гермесы, альпы, пики и иже с ними сулили баснословные дивиденды за эти разноцветные, никчемушные бумажки – ваучеры. Одним из тех, в чьи карманы тек щедрый поток этих «фантиков», как их презрительно называли в экономически непросвещенном народе, был Константин Климов. Он и ему подобные потом становились владельцами предприятий, больших и малых, получали акции банков и богатых компаний, прибирая к рукам так называемую народную собственность.

Спустя некоторое время, изрядно забрызгавшись в крови конкурентов и разбойничков с большой дороги, Климов умыл руки от дел, исхитрившись перевести все нахапанное, заработанное и награбленное в деньги и положить в некий спокойный европейский банк, не суливший мгновенных огромных процентов, но зато крепко стоявший на ногах уже вторую сотню лет и не собиравшийся даже покачнуться, не то что упасть. Климов, который никогда не отличался склонностью к авантюрам и в душе своей оставался простеньким провинциальным купцом, наконец-то зажил спокойной, благополучной, быть может, чуточку скучноватой, но надежной жизнью европейского рантье, изредка разнообразя свою жизнь скромными путешествиями на Балканы: некогда, еще в советские времена, он побывал в Болгарии, и она стала его первой любовью в забугорном мире. С тех пор он, голубоглазый, слегка веснушчатый блондин, питал особенную склонность к мрачноватым чернооким брюнеткам с густыми бровями и твердыми, темными губами, к приторно сладкому вину «Варна» и тяжелому запаху розового масла. Если он в своем благополучном европейском бытии и позволял себе небольшие приключения, которые в старину называли альковными, то именно с девушками южнославянского типа, которые как нельзя больше соответствовали его идеалу. Иногда Константин вспоминал жену, с которой давно развелся и которая осталась в России, и диву давался, как его угораздило жениться на совершенной противоположности его излюбленному типу... его извиняло то, что он сначала женился, а потом съездил в Болгарию. Может быть, отчасти из-за Болгарии они и развелись.

А может, из-за перестройки, теперь никто точно не знал, да и не слишком интересно им было вспоминать прошлое.

Время шло. Шло и шло неумолимое, прекрасное и подлое время... Климову исполнилось шестьдесят два, и однажды он осознал, что наиболее частой статьей его расходов стали вовсе не мрачноватые красотки с густыми бровями и темными губами, а врачи. Причем, несмотря на гонорары, они все как один выдавали прогнозы, которые отнюдь не радовали Константина Климова.

Его бывшая жена была несколько моложе. С тех пор как они расстались, она дважды побывала замужем, в первый раз даже сменила фамилию, потому что не хотела быть Климовой, хотя сын по-прежнему фамилию отца носил; один раз развелась, другой – овдовела... Словом, жизнь у нее была довольно бурная, и она очень редко вспоминала инструктора райкома партии, который когда-то казался ей не просто выгодным женихом, но идеалом, человеком, в которого она была отчаянно влюблена и к которому бегала на свидания в старый, заросший сиренью и умопомрачительно благоухавший по весне парк.

И вот однажды, к своему несказанному изумлению, она получила от Константина Климова письмо...

* * *

– Все еще не убрали? – недовольно говорит Олег, на ходу надевая пиджак и глядя сквозь Асю. – Я бы хотел поскорей расплатиться. Я спешу!

– Ну конечно! – подливает масла в огонь высунувшаяся из кабинета Наталья. – Уберет она! Это же Снегирева!

– Сейчас, сейчас, минуточку, – бормочет Ася, со страшной скоростью сметая осколки. Руки у нее дрожат, и осколки снова высыпаются из совка.

– Ну, это, кажется, надолго, – вздыхает красивая брюнетка.

– Я, я приму деньги! – суется Марина Сергеевна. – Пожалуйста, прошу вас.

Олег вынимает из кармана пиджака бумажник, оттуда банковскую карту, подает Марине Сергеевне. Та достает из-под прилавка терминал, проводит картой. Однако соединения не происходит. Марина Сергеевна пробует еще раз. Снова ничего...

– Ох, – говорит она недоуменно, извлекая из терминала карту и разглядывая ее, – да ведь она у вас просрочена!

И смотрит на Олега не то растерянно, не то подозрительно. Анализ ДНК – процедура дорогая, под тысячу евро тянет. Именно поэтому в лаборатории не топчется хвост досужих папаш, желающих выяснить, от кого его жена на самом деле родила как бы его ребенка. И в кредит ни одна лаборатория этот анализ не делает...

– А, черт, – бормочет Олег, – старую карту взял! Как же я новую дома-то забыл?! Ничего не понимаю! Вроде выбрасывал эту...

Марина Сергеевна смотрит на него сузившимися глазами. Теперь на ее лице ни следа доброжелательности или растерянности. Одна сплошная подозрительность!

Хотя что тут такого, на самом деле? Ну, забыл человек карту, ну, напутал что-то. Все равно кровь и мазок со щечки ребенка еще только взяты. Анализы-то пока еще не сделаны! Все эти образцы еще в Москву будут отправлены в специальном чемодане, с курьером! И никто с места не сойдет, пока заказ не будет оплачен. Вполне можно Марине Сергеевне не строить такую физиономию, а подождать, пока Олег сходит домой, принесет другую карту и все уладит. Даже Наталья глядит сочувственно, а Марина Сергеевна что-то разошлась!

– Алина, может, заплатишь? – в эту минуту поворачивается он к жене.

– Ну конечно! – саркастически усмехается та. – Алина, может, заплатишь! Это была идея твоей мамы, верно? Пусть она и платит.

– Ты прекрасно знаешь, что мама срочно улетела в Самару, а то бы я ее вызвал, – сконфуженно бормочет Олег. – Алина, заплати, пожалуйста, я тебе сегодня же деньги переведу!

Алина, недовольно фыркнув, достает из сумки свою карту. Теперь все проходит нормально, терминал бодро попискивает, из кассового аппарата выползает чек, и лицо Марины Сергеевны разглаживается, а острый блеск в глазах гаснет.

– Ах да, – говорит она с прежней доброжелательностью, – мы забыли вписать в графу, кто будет забирать результат анализа. Это очень важно – указать конкретно имя, фамилию и паспортные данные, потому что другому человеку их не дадут. И еще нужен особый секретный пароль.

– Как это, кто будет забирать! – воскликнула Алина. – Кто же еще?! Конечно я!

– Нет, – возражает Олег. – Я.

– Нет, я! – в голосе Алины звучит металл. – Я платила – я и буду забирать.

Олег смотрит на нее бешено, но крыть, как говорится, нечем.

– Не волнуйся, – презрительно произносит Алина. – Я немедленно притащу результаты в клювике тебе и твоей мамаше. Это прежде всего в моих интересах! И в его! – Она воинственным кивком указывает на сына, который в это время с величайшим любопытством наблюдает, как Ася пытается выместить особенно коварный осколок из-под кресла.

– А тебе щеточкой щечку чистили? – вдруг говорит мальчик, лукаво глядя на Асю из-под своих длинных черных ресниц, так похожих на ресницы матери.

Сбор буккальных, то есть клеток ротовой полости эпителия – одна из процедур, необходимых при анализе ДНК. Чтобы не мучить детей взятием крови из вены, у них проводят особым аппликатором с внутренней стороны щеки. Желательно – на голодный желудок или хотя бы через час после еды.

– Нет, – улыбается Ася. – Не чистили.

Мальчишка – ужасный симпатяга. Темноволосый, темноглазый – в красотку Алину.

– Никогда-никогда? – допытывается он. – Ни разу?

– Никогда-никогда, – со вздохом признается Ася, – ни разу.

– А мне чистили! – гордо заявляет он. – Аж четыре раза!

– Мишка, ну что ты врешь! – сердито одергивает его мать. – Всего два раза у тебя тетя доктор в том кабинете щеточкой по щекам провела! Вот вечно ты приврешь! Это у него наследственное! – ехидно обращается она к Олегу. – Весь в твою маменьку! Она же слова не скажет, чтобы не присочинить! Какие вообще тут могут быть сомнения в родстве?!

Мальчишка хохочет и прикрывает рот ладонью, умолкает, подбегает к отцу и прячется за него, но украдкой выглядывает и смотрит на Асю с заговорщическим видом. Олег хмурится. А ей ужасно жалко этого Мишку... Что ж там за мать у Олега, которая не хочет иметь такого милого внука и подзудила сына сделать этот унижительный анализ? И он тоже хорош, потащился сюда... Тысячи мужчин женятся на женщинах с детьми и становятся отцами этим чужим детям, даже и не вспоминая о том, что они – чужие. А этот... даже если есть у них с матерью подозрения, какое они имеют значение, если вот он – мальчик, и он любит Олега, и льнет к нему, и прижимается, и глаз с него не сводит... а как он кричал: «Папа, ты его побил?!»

Вообще все эти анализы на ДНК – такая скользкая штука... они всегда связаны со страданием, унижением и страхом. Потому что сомнение в верности всегда – боль, страх, унижение. Сколько случаев могла бы Ася рассказать! Хоть романы пиши. Только очень грустные это будут романы. И довольно противные. Например, о том, как женщина только что выписалась из роддома, кормит своего дорогого сыночка, воркует над ним, а заботливый муж в это время украдкой тащит в «Ваш анализ» специальный – в некоторых аптеках продается – контейнер с особыми щеточками, которыми берут эти пресловутые буккальные клетки, и сдает кровь. Он не вполне уверен, что ребенок – его. Ему нужно подтверждение на бумаге со штампом. Тогда он разрешит себе любить сына, гордиться им...

Ася очень хорошо помнит случай, когда в приемной плакал горькими слезами – и не мог остановиться! – мужчина, все время повторяя:

– Неужели я точно не отец?

– Нет, – снова и снова уныло повторяла Ася. И в очередной раз объясняла ему, что у девочки, если она его дочь, половина генов должна быть его. Соответственно, половина его цифр, обозначающих совпадение с его генами, должна быть у нее. Но в этом случае было девять несовпадений! Он не мог быть отцом.

– Вы проверяли? Вы не могли ошибиться? – жалобно выпрашивал он.

Ася печально качала головой, вертя в руках репорт, который принес человеку такое горе. Господи, какой же убитый был у него вид...

И эти слезы... Человек, который все время считал себя отцом девочки, теперь оплакивал свое отцовство. Он ее растил, он ее любил. Он думал, что она его дочь... Но начались ссоры с женой, она захотела уйти к другому мужчине. Когда люди ссорятся, они стараются ударить друг друга побольней! И вот она ударила... как будто острым ножом. Бросила в лицо: «Она не твоя дочь!»

Этот человек не поверил. Прибежал сдавать кровь, привел с собой девочку – втайне от матери, уверенный, что посрамит ее, заставит устыдиться позорного обвинения... а там они, глядишь, и помирятся. Как же можно расходиться, если у них дочь?!

А теперь все будет кончено. И жена не позволит ему встречаться с дочкой. И постепенно отвалит ее от него. И девочка будет относиться к нему как к чужому.

– Да что вы! – стала горячо его уговаривать Ася. – Если она любит вас так же, как вы ее, ну что изменится? Вы будете продолжать с ней встречаться, любить ее, ну какая, какая вам разница?!

Но он становился все угрюмей. Слезы высохли, лицо приняло обреченное выражение. Для него, оказывается, была большая разница – любить своего ребенка или чужого...

– Нет, – в конце концов сказал он, – я этого так не оставляю. Я буду бороться! Я пойду в другую лабораторию и там сдам анализ! Есть лаборатория, где результаты проверяют аж в Канаде!

– В самом деле, – кивнула Ася. – Такая лаборатория есть. Называется «Профессиональный ответ». Это совместное предприятие, они образцы отправляют в Торонто. А что, вы думаете, в Канаде будет другой ответ?

– Конечно! – воскликнул он убежденно. – Как там могут ошибиться?

– У них под две тысячи евро анализ стоит, – осторожно предупредила Ася.

– Да вы что? – возмутился этот мужчина. – Неужели вы думаете, я пожалею... для своей дочери?..

Буркнул напоследок:

– Зря сюда пришел, только время потерял!

И убежал, не прощаясь.

Ася была довольна хотя бы тем, что он перестал рыдать... И она искренне хотела, чтобы из лаборатории в Торонто пришел тот ответ, которого он ждал. Но... вряд ли.

Мишка тем временем поднимает с полу упавшую фотографию лошадей и с восторгом ее рассматривает, бормоча:

– Лошадки... И травка! Травка серая, нет, зеленая, небо коричневое, нет, синее...

– Замолчи сейчас же! – шипит Алина, и Мишка понуро замолкает.

Ася, вздохнув, идет с совком к мусорной корзинке, но в это мгновение раздается громкий голос, бойко напевающий:

Все пи...ц, все пи...ц,
Я теперь властелин колец!

И снова, да еще громче, прямо в ор:

Все пи...ц, все пи...ц,
Я теперь властелин колец!

Все невольно вздрагивают, а Ася роняет совок... и осколки снова рассыпаются по полу. Но, как ни странно, на это никто не обращает внимания, даже Наташка, выглянувшая из процедурной на этот крик с выражением ужаса на лице, молчит: все таращатся на Мишкину маму, которая, поминутно отбрасывая назад свою скользкую косичку, роется в сумке и наконец извлекает на свет божий мобильник, который орет жутким голосом:

– Все пи... ц, все пи... ц,
Я теперь властелин колец!

Вот это да, ну вот это да, ну ничего себе... Смех и грех, просто кошмар! Эта Алина – такая прямо утонченная красавица, а сигнал мобильного, будто у какого-нибудь... бумера! Отвязный сигнал, неужели ей самой не стыдно?! Похоже, стыдно, вон как истерически торопится найти телефон, который, как назло, застрял в каком-то карманчике в сумке!

Властелин колец, главное! Ася качает головой. Какая чепуха! Еще и песню про эту ерунду поют, про эти кольца! Виталик обожал Толкиена, а Ася двух строк прочесть не могла, скучно было до зевоты. То ли дело – «Лев, Колдунья и платяной шкаф» или «Волшебник Изумрудного города»! А при словах «Властелин колец» она даже теперь украдкой зевает.

Алина наконец выдергивает мобильник из сумки, нажимает на кнопку ответа и кричит истерически – наверное, по инерции:

– Да, слушаю! Алло! Да, здравствуйте, Светлана Сергеевна! Да! Все хорошо! Ладно, не надо вас встречать так не надо, как хотите! На такси из аэропорта доберетесь? Хорошо! Где мы? Да в лаборатории, где еще?! Целую, пока!

С силой нажимает на сброс, поворачивается к мужу:

– Мамочка твоя проверяла, где мы! Выдумала какую-то ерунду, а сама в Самару уперлась! Надо было, чтобы она сама пошла с тобой и с Мишкой сюда, сама эти унижения терпела!

– Я предлагал тебе остаться дома, мы бы с Мишкой отлично и вдвоем могли сходить, – резко говорит Олег. – Ты сама захотела нас сопровождать. И вообще, хватит цирк тут бесплатный устраивать. Уходим!

– Папа, я пикать хочу, – вдруг говорит Мишка.

– О господи! – в сердцах восклицает отец. – Алина, своди его в туалет!

– Нет, – упирается изо всех сил Мишка, – я не хочу с мамой, я хочу с тобой! Я же не девчонка – с женщинами в туалет ходить!

Ася не может сдержать смеха, но Алина и Олег разом бросают на нее такие взгляды, что она вся сжимается. А что она такого сказала?! И Марина Сергеевна тоже разулыбалась во весь рот, и Наташка хмыкнула, но, как всегда, все шишки на Асю сыплются.

Да что же это она всех раздражает?! Неужели нет во всем мире человека, который бы сразу, с первого взгляда понял ее и оценил, а не делал унылую гримасу и не цедил сквозь зубы: «Вечно эта Снегирева!»

– Пожалуйста, только не расслаивайтесь там! – раздраженно говорит Алина. – Какать дома будем, ладно, Мишка? Маленькое пипи – и назад.

– Маленькое пипи – и назад! – обещает Мишка и тащит отца за руку: – Пошли скорей!

Олег и Мишка уже скрылись за поворотом коридора, когда Ася вдруг вспомнила, что туалет-то занят. Та красивая немолодая женщина с белыми кудрями, ну, которая была на при-

еме у эндокринолога, как ушла туда, так еще и не вернулась. Ну, бывает, наверное, у нее что-то с желудком. По идее, надо бы окликнуть Олега, предупредить, что туалет занят... но ведь обязательно опять на какую-нибудь неприятную реплику нарвешься, это уж как пить дать!

Ну и ладно. Подождут. Не век же этой женщине там сидеть. А Асе надо снова осколки собирать. И постараться опять их не рассыпать. Вон как на нее презрительно поглядывают и Наташка, и Алина, и Марина Сергеевна, и даже Инна Петровна! Как будто она санитарка, уборщица! Конечно, администраторам приходится всякие дела делать, во все мелочи вникать, а иной раз и убираться, но это, строго говоря, в их обязанности совершенно не входит! Убираются санитарки: они и пол моют, и в архиве крови пыль вытирают, и выбрасывают оттуда пробирки с кровью, срок хранения которой уже кончился. Но сейчас санитарку Надю отправили в магазин – покупать что-нибудь на обед. Ася же, как обычно, взяла с собой из дома и винегрет, и котлету, и баночку с компотом. Раньше многие приносили обед из дома, это и дешевле, и вкусней, но почему-то ели где-нибудь по уголкам, как бы стесняясь, а те, кто брал продукты в магазине, усаживались за главный стол в подсобке, болтали, смеялись, поглядывали по сторонам, как будто в этом было что-то, нуждающееся в общем одобрении. Вчера Наталья, увидав, как Ася достает яйцо и домашний творог, фыркнула:

– Тебя скупость до могилы доведет!

А при чем здесь вообще скупость, если домашнее – вкусней и полезней?! Наташка ест эти сундуки с калориями, творожки «Чудо», от которых распухаешь на глазах!

Впрочем, это Ася распухает, а на Наташкину фигуру ничего не действует! Вот и Алина, брюнеточка эта хорошенькая, тоже тоненькая...

Ася тяжело вздыхает над очередной несправедливостью своей жизни, снова замечая осколки в совок, и в эту минуту Олег и Мишка возвращаются.

– Попикал? – спрашивает Алина. Мишка радостно кивает и, пытаясь, тянет на себя дверь, ведущую на лестницу.

– А попрощаться забыл? – восклицает Алина. – До свиданья сказать?

– Досидания! – бормочет Мишка, пытаясь открыть тяжелую дверь.

– До свиданья, – бросает Олег, хватая сына под мышку и выскакивает из лаборатории. За ними бежит Алина, качаясь на высоченных каблуках.

Дверь захлопывается. Ася смотрит им вслед и чувствует, что ее снова разбирает смех.

Марина Сергеевна и Инна Петровна наводят порядок на столе и не обращают на Асю внимания, а Наталья смотрит на нее уничтожающе:

– Ну и чего ты снова ржешь, скажи на милость?

– Это лошади ржут, – огрызается Ася. – А я смеюсь.

– Да? – изумляется Наталья. – Это новость! Ну а с чего ты *смеешься*?

– Да с того, что мама сына заставила с нами попрощаться, а сама забыла, – поясняет Ася. – А еще – у мальчишки носочки разные. Один серый, другой зеленый. Наверное, сам одевался, никто из родителей не проследил. Сразу видно, что в семье проблемы.

– Ой, не могу-у! – насмешливо тянет Наташка. – Еще один Шерлок выискался! Да ясно и дураку: если пришли отцовство уточнять – значит, проблемы. Глаза у тебя куда-то не туда смотрят. Носки у мальчишки разные, это же надо!

– Не только у мальчишки, – с трудом говорит Ася, которой становится все смешней. – Еще тот чокнутый, который все это тут разбил, – она тычет щеткой в осколки на полу, – ну, который сперму хотел сдать, он тоже был в разных носках. И тоже у него один серый, а другой – зеленый.

Воцаряется молчание. Марина Сергеевна и врач Инна Петровна переглядываются. А Наталья только ноздри зло раздувает. Потом она медленно подносит палец к виску и выразительно крутит. Открывает рот. И легко можно представить, что она сказала бы сейчас в адрес Аси, если бы из-за поворота коридора не появилась та самая кудрявая седая дама, на

ходу доставая кошелек из сумки. Остановилась, вскинула брови и, глядя на Асю с совком и щеткой, усмехнулась с тончайшим ехидством:

– Ну надо же, как будто в прошлое вернулась!

Наталья так и зашлась от хохота. Инна Петровна и Марина Сергеевна тоже не смогли сдержаться. А у Аси от обиды руки начали трястись и... и вся эта стеклянная гадость снова высыпалась из совка!

* * *

Валя через дворы прошла к Белинке, к остановке трамвая, и тут ей почудилось, что ей в спину кто-то упорно смотрит. Оглянулась раз, другой – да вроде никто за ней не следит... Идут себе люди да идут, а впрочем, темно уже...

И тут подошел трамвай. И почти пустой, вот счастье-то!

Валя уже поднималась по ступенькам, когда снова почувствовала этот упорный взгляд. Обернулась – вот те на, да ведь на остановке стоит тот белобрысый мужик, ну, «хоббит»!

В ту же минуту двери закрылись, «хоббит» помахал Валентине – и остался. А она уехала.

«Интересно, он там случайно оказался или я правда ему понравилась? – задумалась Валя. – Вообще он ничего, глаза красивые, черные или карие, только волосы какие-то неестественно светлые... крашенные вроде. Жуть, чтобы у парня – волосы крашенные! Конечно, сейчас все с ума сходят, но все-таки выйти с парнем, у которого крашенные патлы... нет, мама меня точно убьет сразу же! А может, он парик носит? Хотя парень в парике – это вообще дичь дичайшая, еще хуже, чем крашенный!»

И Валя печально призадумалась о том, что почему-то никто за ней не ухаживает, парня у нее нет, ни крашеного, ни натурального, ни в парике, ни без того, и хоть мама, конечно, очень довольна, что дочка при ней, под ее присмотром, а все же, такое ощущение, иногда посматривает на Вали с сожалением и даже как бы с презрением. Двадцать пять... и никого! Если бы появился у Вали кавалер, мама бы ужасно переживала и, наверное, ревновала бы, но вот нет его – и дочка будто бы какая-то не такая, хуже других...

У Аськи Снегиревой, к примеру, тоже никого нет, но она хоть замужем успела побывать! А Валя как будто и не нужна никому, вот обидно! С другой стороны, может, не перлась бы она домой как пришитая сразу после работы и не сидела бы в свободные вечера при маме, так, глядишь, и в девках не засиделась бы! Какие-то же есть места, где люди знакомятся, дискотеки, ночные клубы... Конечно, Валя не умеет танцевать, но в этих клубах вроде и не танцуют по-настоящему, а так, с ноги на ногу переминаются под музыку. Нет, это называется – под музон!

Ехать Вале было всего три остановки, по-хорошему, можно и пешочком дойти, но ночью через Ковалиху ходить – нет уж, извините, тьма-тьмущая, а из бани вываливаются какие-то жуткие компании и блондят, распевая пьяные песни. Если люди пошли в баню – непременно надо почему-то назюзюкаться как последним дуракам. Мама говорит, что раньше в бане так не напивались. Ну, пиво пили, конечно, а водку вообще не разрешали туда приносить. Но после того как вышла «Ирония судьбы», все как спятили! Главное, такой фильм классный... про случайную встречу, которая изменит судьбу... всякая девушка мечтает о такой встрече, может быть, даже Аська Снегирева мечтает!

Хотя у Аськи, конечно, шансов еще меньше, чем у Вали, ей уже тридцатник, все, аут, она уже практически пожилая!

Ну, вот и выходить пора.

Валя спустилась со ступенек, покосилась на такси, которое остановилось почти вплотную к трамваю, и поспешно перешла дорогу. Вдруг подул ветер, она повернулась к нему спиной, поднимая воротник, выуживая из-под плаща шарф, чтобы прикрыть голову, и – увидела какого-то мужчину, который быстро шел к ней, но внезапно остановился и свернул за угол.

Что такое? Неужели это тот самый мужчина, ну, белобрысый, который приходил вечером и из-за которого Валя так задержалась на работе?

Ну этот, «хоббит»!

Да ну, глупости. Что это он мерещится? С какой радости?

Валя подождала немножко, пугливо вглядываясь в темноту.

Нет, никого. Наверное, показалось.

И она пошла дальше и до самого подъезда озиралась, но никого не было на дороге, и она успокоилась. И в то же время немножко разочаровалась. Было бы так романтично, если бы он и в самом деле взял такси, чтобы догнать ее трамвай, и проследил бы, где она живет, и шел бы за ней до самой квартиры...

Нет! Никого нет, никто за ней не идет, улица позади пуста...

* * *

А этот безумный день так и продолжается в том же духе. Ася еще не знает, что он будет не только безумным, но и очень длинным, бесконечным, он вообще не закончится, а плавно перетечет в безумие следующего дня.

Но это еще впереди. Это все ей еще предстоит. А пока наша героиня стоит посреди холла, вокруг на полу – пресловутые осколки, хохочут Наталья, Инна Петровна, Марина Сергеевна – и красивая седая дама, которая аж чихает от смеха.

– Будьте здоровы! – сквозь смех, хором, говорят Инна Петровна и Марина Сергеевна – и еще пуще заливаются.

– Спасибо! – с трудом говорит дама – и снова чихает.

И снова все:

– Ха-ха-ха!

Ася смотрит на красивую даму – и вдруг начинает кое о чем догадываться. И ей до смерти хочется проверить свою догадку – до такой степени хочется, что даже становится наплевать на всеобщее веселье, к которому немедленно присоединяется и санитарка Надя, увешанная пластиковыми сумочками из «Спара», а также из каких-то других магазинов, куда она, конечно, успела забежать для препровождения рабочего времени.

Надя вошла в холл, ничего еще не поняла, что там происходит, но уже готова поржать (ее любимое слово!) над Асей. Впрочем, Ася не дает ей такой возможности, а говорит безразличным тоном:

– В самом деле, что-то у меня сегодня все из рук валится. Вот что значит браться не за свое дело! Наде по штату убирать положено – пусть она и убирает. В конце концов, именно это входит в ее обязанности, а не по магазинам бегать в рабочее время. А я в туалет хочу!

С этими словами она демонстративно складывает к ногам Нади орудия производства и уходит в боковой коридор.

За ее спиной воцаряется выразительное молчание. Хохот как обрезало! Жизнь немедленно вернулась в деловое русло. И Ася улыбается, довольная, хотя понимает, что нажила себе сегодня в лице Нади еще одного злейшего врага. Как будто мало ей одной Наташки! Ася успела заметить злобную судорогу, исказившую физиономию Нади. Наши люди, понимаете ли, почему-то терпеть не могут, когда им приходится выполнять свои прямые обязанности, те, за которые им платят. Они почему-то считают это страшно унижительным – нет, не деньги получать, а работать. Санитарке стыдно, что она санитарка, это ж нонсенс! Ну так иди в бизнес-леди, какие вообще проблемы?!

Впрочем, злая гримаса Нади Асю совершенно не волнует. Во-первых, Ася обычно работает в другом кабинете, и шанс пересечься с ней в ближайшее время ничтожно мал. Во-вторых, любопытство разбирает ее до такой степени, что ни на какие другие эмоции нет времени.

Ей ужасно хочется знать, где находилась седая дама в то время, когда туалет посещали Олег и Мишка.

Ася пробегает по узкому коридорчику. Вот дверь с сакраментальными треугольничками: один вершиной вверх – это символ женщины, другой – вершиной вниз – символизирует мужчину, а вместе они значат, что туалет – общий, для посетителей обоего пола. Вот стеклянная дверь, ведущая на пожарную лестницу, снабженная надписью «Запасной выход». Дверь заперта – чтобы в случае, к примеру, пожара выйти по спасительной лестнице никто, боже сохрани, не смог. Впрочем, в случае пожара стекло разобьют и хлипкую дверь просто вынесут. Что, к слову, ничуть не поможет жаждущим спасения, потому что внизу путь им преградит бронированная дверь черного хода, ключ от которой потерян уже несколько лет назад. Между прочим, всем пожарным проверяющим почему-то на это глубоко плевать.

Ладно, будем надеяться на традиционное авось!

Ася продолжает оглядываться. Вот дверь в переход, который ведет в главное здание, в главную лабораторию медицинского центра «Ваш анализ», она заперта на кодовый замок. Ася дергает ее – не открывается, конечно. Вряд ли эта дама могла туда пройти, надо знать код. Откуда ей это знать?! А вот и еще одна дверь...

Несколько секунд Ася смотрит на эту дверь задумчиво. Она ведет в подсобку, там девушки и переодеваются, и перекусывают. Из-под двери, сквозь щель, несет сквозняком. Там почти всегда открыто окно, ну вот разве что когда кто-то идет в подсобку перекусить или переодеться, окно прикрывают.

В подсобке, кроме всего прочего, находится дополнительный архив крови. На самом деле это просто холодильник, довольно большой. Рядом – на стеллажах – держат контейнеры с реактивами. Они тоже нуждаются в особой – довольно низкой – температуре. Ну вот на всякий случай и оставляют окна открытыми. Точно такой же холодильник-архив – только куда-а больше! – стоит в основном помещении лаборатории. Но в нем, как правило, не хватает места для материалов, поэтому такие же холодильники поставили и в кабинетах. В архивах хранят пробирки, снабженные ярлычками с указанием, у кого и когда произведен, извините за выражение, забор. В принципе, дело это сейчас общепринятое, но когда-то «Ваш анализ» первым начал в Нижнем это дело: хранить кровь, сданную пациентами, чтобы можно было – по желанию клиента – произвести повторный анализ, не беспокоя человека. Пришел, оплатил – и никаких тебе иголок в вене. Можно даже не приходить, а оплатить через Интернет. Разумеется, срок хранения крови не бесконечен. Это всего неделя. И те пробирки, которые больше не нужны, из холодильника выставляют, а потом утилизируют. Чем меньше времени остается для истечения срока хранения, тем ниже опускают пробирку на полках архива. Если поставили на нижнюю – она кандалит на утилизацию. Санитарки такие пробирки забирают и сливают содержимое в канализацию – совсем не в туалет, а в особый слив, оборудованный в лаборатории, – причем все это заливается еще и дезраствором и уже не опасно для окружающей среды.

То есть это раньше пробирки с истекшим сроком хранения ставили на нижнюю полку холодильника. Как-то раз случайно туда спустили еще годную к анализу кровь, санитарка ее утилизировала, а именно в этот день возьми да и позвони мужчина, которому срочно понадобился дополнительный анализ, а ехать и сдавать кровь у него не было времени. Был небольшой, но выразительный скандалчик, закончившийся тем, что анализ крови у этого мужчины провели бесплатно, и тогда был издан приказ по лаборатории: пробирки, предназначенные для ликвидации, отправлять прочь из холодильника. Они стоят в специальном штативе прямо на полу и ждут, пока у санитарки дойдут до них руки.

Ася осторожно толкает дверь в подсобку. Дверь открывается. Собственно, это Асю ничуть не удивляет. На самом деле, это единственное место, где могла оказаться седая дама, когда Олег и Мишка пошли в туалет. Видимо, она пробыла в подсобке не одну минуту, потому что успела простудиться. По ее чиханию Ася, собственно, и догадалась, где она была.

Два вопроса: зачем ей понадобилось заходить в подсобку? И где она взяла ключ?

Теоретически один ключ должен храниться в столе администратора. Второй – у санитарки, которая дежурит в этот день. Как седая дама умудрилась залезть в карман Надиной робы или в стол, за которым постоянно сидели или Ася, или Марина Сергеевна?

Ответ простой – никак. Скорее всего, Надя забыла замкнуть дверь. И вот дама выходит из туалета, окидывает любопытным взглядом коридор, видит, что какая-то дверь приотворена. Заходит, все внимательно разглядывает... потом ей становится холодно и она уходит, чихая.

Интересно, а не прихватила ли она с собой пару-тройку пробирок – просто так, на память? Как сувенир, так сказать? Или, может, она вампир, и ей вдруг понадобилось подзапасть провиантом? Хотя, если судить по всяким голливудским ужастикам, лабораторная кровь с консервантами вампирам не вкусна, им нужен свежий продукт.

– Не смешно, – бормочет Ася, зябко поеживаясь, но на всякий случай все же заглядывает в холодильник. Это, впрочем, ей ничего не дает, ведь она не знает, сколько пробирок стояло здесь раньше. Она оглядывает также штатив с пробирками для утилизации и зачем-то пересчитывает их.

Четырнадцать. Ну и что?

Ася пожимает плечами и выходит из архива крови, заботливо притворив дверь. Как было, так пусть и останется. Никакие разборки Ася по этому поводу устраивать не намерена и никого укорять не будет. В конце концов, она здесь человек временный и снова с кем-то ссориться ей совершенно неохота. Вдобавок ко всему какая-то разборка около стола администратора уже происходит...

Ася выходит в холл и видит довольно молодого мужчину, наголо бритого, как уголовник, но вполне прилично одетого. Он ужасно сердит, чуть ли не пыхтит от злости, а Марина Сергеевна растеряна, однако вежливая улыбка не сходит с ее лица.

– Но она моя жена, вы же видите? – горячится молодой человек. – Вот ее паспорт, а вот – мой. Здесь написано, что она моя жена, а я – ее муж. Ну не может она за анализами прийти, завтра утром ей к врачу. Обязательно результат нужен. Выдайте мне его!

– Договор составлен на имя вашей жены, значит, только она имеет право его забрать, – непреклонно говорит Марина Сергеевна. – Ваша жена может прийти к нам за результатом прямо к восьми утра. Выдача займет буквально одну минуту, а потом она сразу поедет к врачу.

– Да мы в Сергаче живем! – восклицает молодой человек. – И врач ее в Сергаче! Это же два часа езды, ну вы люди или нет?!

Марина Сергеевна поглядывает на Асю, словно ища у нее поддержки, и качает головой:

– Вы, пожалуйста, извините... но результаты я вам не отдам, у нас очень строгие порядки, я не могу из-за вас подвергнуться риску увольнения. Анализы делала ваша жена, доверенность на вас она не подписывала – результаты возьмет только она.

– Нет, ну слушайте... – потрясенно водит глазами по комнате молодой человек. – Да это просто фантастика какая-то!

Вообще, его понять можно. Но можно понять и Марину Сергеевну. Не далее как неделю назад в этом самом кабинете приключился такой казус. Приехала сдавать кровь некая дама в сопровождении молодого человека. Сбросила ему на руки плащ, отдала сумку и пошла в процедурную. Молодой человек присел на диванчик, нетерпеливо поглядывая на дверь, за которой скрылась его дама. Потом она вышла, расплатилась за срочный анализ, который будет готов в этот же день, молодой человек подал ей плащ, заботливо открыл перед ней дверь... Вечером он появился и сказал, что приехал за анализами такой-то. Назвал ее фамилию, имя и отчество. И администратор Катерина, которая отлично его помнила, отдала ему распечатку. Он поблагодарил и ушел. А спустя час позвонила возмущенная дама и устроила ужасный скандал по поводу того, что ее результаты отдали невесте кому.

– Как же невесть кому? – воскликнула испуганная Катерина. – Да ведь он с вами был... ваш плащ держал и сумку, и дверь вам открывал... Я подумала, это ваш муж!

– Муж?! – чуть не задохнулась от злости женщина. – Да это был мой шофер!

Вот так-то... Шофер решил оказать услугу своей начальнице, а в результате узнал, что у нее заболевание крови и, по доброте душевной, немедленно рассказал об этом в коллективе, за что и был уволен. Ну, эта дама еще дозвонила до дирекции «Вашего анализа», и был ужасный шум, и Катерина уже решила, что ее тоже уволят, как того шофера, но ее просто премии лишили, а случившееся обсудили со всеми работниками, во всех кабинетах, после чего вышел приказ: результаты анализов отдавать только тем, на чье имя заключен договор, и только после предъявления этого договора. Так что упорство Марины Сергеевны вполне понятно Асе... Вот только посетитель понимать его никак не хочет. Он снова и снова повторяет просьбу, снова и снова натывается на отказ – и в конце концов уходит, бросив угрожающий взгляд... почему-то на Асю.

– Ну, я тебе это припомню, сука! – говорит он и бросается вон, причем так шарахает о косяк застекленной дверью, что она разбивается.

– Да что ж это такое! – в сердцах восклицает санитарка Надя, которая только что разделалась с предыдущими осколками. – Я сегодня стеклоборщик какой-то!

Ася стоит, буквально разинув рот, и на ее месте так поступил бы каждый! Интересно, почему именно ей, которая вообще ни слова не произнесла в этом споре, разъяренный молодой человек посулил *припомнить*?! Неужели из-за того, что Марина Сергеевна на Асю иногда поглядывала, словно в поисках поддержки, он принял именно ее за суровую и непреклонную начальницу, которая ничего никому не велит?! Но Ася ничуть не похожа на начальницу. Она похожа на человека, на которого вечно все шишки валятся со всех сторон!

Привычно вздохнув над вредностью судьбы, которая к ней так несправедлива, Ася заходит за стойку администратора, берется за мышку компьютера и просматривает журнал сегодняшних посещений.

Красивую даму с седыми волосами, которая зачем-то сунулась в подсобку, зовут Сталина Сергеевна Шестакова. Ася качает головой – ну и имя! С другой стороны, она наверняка его не сама себе выбирала. Но как живет с ним? Лучше бы сменила! Асин отец Сталина уважает, но рассказывал, что, когда бушевала перестройка, о своих симпатиях к вождю народов заявлять было натурально опасно если не для жизни, то для репутации. А эта Сталина... жизнь прожить с таким именем! И не сменила его, вот странно!

Ася закрывает файл Шестаковой, и в это время в холле появляется доктор Авдеев. Это врач-лаборант, он пришел из главного здания «Вашего анализа» и просит разрешения воспользоваться компьютером администраторов. Ася освобождает место и видит, что Авдеев открывает информацию по какому-то посетителю. И стоит ей поглядеть на экран, на эти цифры, как она даже ахает:

– Не может быть!

– То-то и оно, – говорит Авдеев. – Наталья, идите сюда. Вы этот забор делали?

Наталья подходит, смотрит на монитор компьютера, который врач повернул к ней, и пожимает плечами:

– Никита Дмитриевич, да вы разве не видите, что это вовсе не я, а Нина?

Среди лаборанток «Вашего анализа» две Левашовых – Наталья и Нина. Их частенько путают, хотя работают они в разных кабинетах. Наталья – на Сенной, а Нина – на Ильинской.

– Ага, значит, вы не помните, какой он был, этот господин Бусыгин?

– Конечно, не помню, раз я его не видела, – с досадой пожимает плечами Наталья. – А случилось-то что?

– Да вот, посмотрите.

Наталья вчитывается в результаты анализа и делает такие же большие глаза, как до этого Ася:

– Не может быть!

Штука тут вот в чем. Кто хоть раз сдавал кровь в анализ и получал результат, знает, что ему выдают распечатку, в которой есть название компонента крови, его нормальное значение в соответствующих единицах и то значение, которое обнаружено фактически. Бывают более или менее значительные расхождения с той или иной нормой. Если так, значит, человек нездоров, ему надо лечиться. Даже самый простой – общий – анализ крови может сказать очень о многом. Так вот, результаты этого анализа, а также биохимического говорили – нет, просто кричали! – о том, что у человека по фамилии Бусыгин глобальная аллергия или гельминтоз, нарушена свертываемость крови, он очень истощен. Кроме того, нарушена функция надпочечников и проблемы со щитовидной железой. И еще много чего там обнаружилось, вплоть до онкологии крови. Ну просто из рук вон. Судя по этим анализам, за Бусыгиным немедленно надо высылать «Скорую помощь», да еще неясно, успеет ли она к нему живому. Непонятно, как он вообще дошел до кабинета, ему в реанимацию надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.